

*Олег Золотов***[страхи темной реки]**

страхи темной реки, и туманов, и ланд,
о помедлите у золотых изголовий!
жизни не было... льется и тянет коллодий
музыки у керосиновых ламп.
о утешитесь молочными стеклами ламп
от дождя, облепившего дом и качели,
жизни не было... но не поспеть отреченью
от дождя и от скрипа веревок качельных,
и души, и ее зачарованных ланд...
нам у музыки – смерти б учиться, а мы – все качелям,
мы – душе, и ложбинке в ее золотую никчемность,
этой связи окна и дрозда в воспалении гланд,
где за тысячу верст по зрачку его и придыханью
жизнь лилась, как в затылки царей – золотым опахалом,
как из шума лесов – в мотыльки керосиновых ламп.
жизни не было – это мясник все никак не закончит картинок в альбом,
только – мясо, душа, свежерашенной яхте в кильватер,
как на палубу строчки, бросает горстями любовь,
только ланды мерещатся в вантах, и так оживают.

*Oļegs Zolotovs***[purva klāja]**

purva klāja, miglas un tumša ūdens bailes,
jēl esiet pie zelta pagalvjiem lēnākas!
dzīves nebija... plūst un pievelk mūzikas
liesma petroleja lampām.
jēl mierinieties lampu stikliem blāviem
no lietus, kas apņēmis māju un šūples,
dzīves nebija... bet nepagūt novērsties
no lietus un no šūpoļu virvju čīkstas,
no dvēseles, tās apburtiem purviem...
mums no mūzikas mācīties nāvi, bet mēs – visu dvēselei,
mēs – šūpolēm, un nenovērtējamam tukšumam,
šai loga un strazda saiknei kaistošu mandeļu sāpēs,
kur pēc tūkstošiem jūdžu pa viņa acu zīlīti un elpas dvesumu
dzīve plūda, kā aiz valdnieku pakauša – no zelta vēdekļa,
kā no meža skaņām līdz naktstauriņu ēnām lampu gaismā.
dzīves nebija – tas vien kāvējs nespēj pabeigt albumā skicēto,
vien – gaļa, dvēsele no svaigkrāsotas jahtas viņvāla,
kā rindiņas uz klāja, saujām mīlestību met,
tikai mūklāji rēgojas mastos, un tā atdzīvojas.